
НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОВЕДЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

Н.И. Волосухина
(Россия, г. Астрахань)

В статье анализируется процесс восстановления налоговой системы, как неотъемлемой части стабилизации рыночно-денежных отношений в первые годы новой экономической политики. Автор выявляет основные проблемы и противоречия налоговой политики советских властей в центре и на местах.

The process of reconstruction of tax system is analysed in this article as integral part of stabilization of market – monetary relations in the first years of new economic policy. The author detects the basic problems and controversies of tax politics of Soviet authorities in the Center and Regions.

Ключевые слова: новая экономическая политика, налоговая система, финансовая политика, денежная реформа, налог, акциз.

Key words: new economic policy, tax system, financial policy, currency reform, tax, excise.

Политика советской власти в период военного коммунизма была направлена на свертывание денежных отношений в обществе и ликвидацию финансовой системы, для ускорения этого процесса большевики прибегали к необеспеченным денежным эмиссиям, постепенно наращивая темпы и объемы выпуска дензнаков. Переход к НЭПу напротив, поставил задачу максимального укрепления валюты, но для проведения реформ, необходимо был постоянный источник пополнения госбюджета. Поэтому, по справедливому замечанию советского экономиста И.И. Рейнгольда: «...первые шаги новой финансовой политики начались с той последней черты, до которой дошла финансовая политика «военного коммунизма», стремясь уничтожить деньги, – с восстановления почти отмененных налогов» [11, с. 48]. Действительно, для стабилизации валюты, жизненно необходимым условием стало приостановление катастрофического обесценивания валюты. Для этого было необходимо заставить население пользоваться советским рублем, уплата денежных налогов как раз способствовала достижению этой цели, кроме того, уплата денежных налогов являлась практически единственным средством возвращения в государственную казну небольшой части от огромной, ежедневно печатаемой денежной массы.

Чтобы максимально ускорить сроки и увеличить суммы налоговых поступлений, основная налоговая тяжесть была перенесена на косвенное обложение. Дело в том, что доходы от прямых налогов не могли даже частично покрыть расходы государства, кроме этого их сбор требовал четкой и слаженной работы налогового аппарата, практически полностью ликвидированного в годы военного коммунизма. В результате в 1921 г. на доходы от косвенных налогов пришлось 66,3 % от всей суммы налоговых поступлений [12, с. 153]. Такую же картину можно было наблюдать и на местах, так за май 1922 г. в астраханский губернский финансовый отдел (губфинотдел) поступило 3.363.625 руб. косвенных налогов, что составило 93 % всех налоговых поступлений [2, л. 7]. Правда, связано это было прежде всего с тем, что налоговые органы просто не обладали сведениями для определения финансового положения потенциальных налогоплательщиков. В частности этот вопрос поднимался на заседании Астраханской губернской исполнительного комитета 4 октября 1922 г., когда вследствие проверки Совинспекцией положения дел в Красноярском уезде, выяснилось, что на 60 % его территорий вообще не ведется налогового учета, а в некоторых волостях последние сведения о хозяйственной деятельности датируются 1919 г. [4, л. 4]. К 1924 г., когда работа налоговых органов стала более четкой и организованной разница в соотношении между поступлениями прямых и косвенных налогов несколько уменьшилось, и к марту 1924 г. составила один к двум [3, л. 44].

Косвенные налоги в основном были представлены акцизами на всевозможные товары (вина, спички, табачные изделия, соль, мед, квас и прочее), при этом, чтобы хоть как-то оправдать взимание косвенных налогов советское руководство активно пропагандировало их классовую направленность, то есть основная тяжесть падала на

так называемые предметы роскоши. При этом, что считать предметами роскоши оставалось подчас неведомо и самим сборщикам налогов, это породило в свою очередь активную переписку местных финансовых отделов с Центром, в которой по каждому из спорных товаров из Москвы присылались телеграммы с разъяснениями.

Впрочем необходимо отметить, что дифференциация по классовому признаку при исчислении ставки акцизов проявлялась не только в его повышении на предметы роскоши, но и в понижении ставок на группу товаров широкого потребления, так в 1923 и 1924 гг. был снижен акциз на соль с 45 до 22 коп. за пуд, с керосина с 80 до 60 коп. за пуд [1, с. 55], обусловлено это было не только ростом покупательной способности населения и соответственно увеличения акцизных поступлений, но жизненной необходимостью для дальнейшего развития ряда отраслей. Дело в том, что установление акцизов на соль безусловно позволило государству значительно поправить финансовое положение, но в свою очередь против данного акциза активно выступали местные власти некоторых губерний, поскольку высокие ставки на соль, с 1 пуда 20 коп. для госорганов и 22 коп. для частного производителя (и это после понижения, изначально ставка составляла 45 копеек), почти в три раза превышали довоенные (7 коп. с 1 пуда соли). В первую очередь от этого страдала исконная в Астраханской губернии рыбная отрасль, так как столь высокие цены на соль делали нерентабельным засол рыбы частиковых пород, поскольку ее цена уступала цене соли (10–15 копеек), это заставляло ловцов просто выбрасывать «дешевую» рыбу, хотя именно она осенью составляла большую часть улова.

Кроме этого, для того чтобы запастись солью для предстоящей путины государственным и частным предприятиям было необходимо заплатить единовременно огромную сумму, которая становилась непосильным бременем для многих предприятий, и также не способствовала развитию данной отрасли хозяйства. Таким образом, рисовалась довольно грустная картина, когда с одной стороны государство заявляло о необходимости развития рыбной промышленности, а с другой практически убивало ее высокими налоговыми ставками, предпочитая получить небольшие доходы от акциза, чем дожидаться прибыли от развития рыбной отрасли.

Одновременно с установлением акцизов в июне 1921 г., вводится промысловый налог, которым облагается городское население и взимаемый в денежном эквиваленте. Изначально, им облагались ненационализированные предприятия, а также частные лица, но после 1922 г., его распространяют и на государственные и кооперативные учреждения, связано это было с переводом предприятий на хозрасчет. Промысловый налог состоял из двух частей патентного и уравнительного сборов, ставки патентного сбора зависели от местоположения предприятия и от того к какому разряду оно относилось. Изначально разряд определялся довольно условно от количества рабочих, занимаемой площади, успешности торговых операций и др. Уравнительный же сбор был пропорциональным и составлял 3 % от суммы облагаемого оборота предприятия.

Важное значение в налоговой системе играл подоходно-имущественный налог введенный декретом 23 ноября 1922 г. фактически, он состоял из двух налогов, сбор которых осуществлялся параллельно, отдельно с имущества и отдельно с доходов.

Характерной чертой налоговой системы первой половины 1920-х гг. является наличие огромного количества налогов. Особенно ярко это прослеживается в сельской местности, так за период 1921–1922 гг. кроме единого натурального налога собираются трудгужналог, подворно-денежный, общегражданский и ряд местных налогов. Безусловно, что множественность и бессистемность сборов налогов создавали путаницу и не давали возможности крестьянам заблаговременно учесть ресурсы, и расчетливо строить хозяйственные планы на следующий год. В 1923 г. вышеупомянутые налоги были унифицированы в единый сельскохозяйственный налог, общий размер которого был, таким образом, сокращен на 100 млн руб. [9, с. 121] Изначально налог исчислялся в натуральных единицах (пудах пшеницы или ржи, в зависимости от урожайности или в мясных единицах для скотоводческих районов), но постепенно он полностью заменяется на денежный.

В основу прямых налогов был также положен классовый принцип, окончательно оформившийся в 1923 г. когда вводиться дифференциация ставок уравнительного сбора в зависимости от принадлежности организации к государственной, кооперативной или частной, безусловно в сторону усиления налогового бремени для частного, поскольку налоги оставались основным источником дохода для государства. Доля же неналоговых поступлений, то есть доходы от государственной промышленности, коммунального хозяйства в 1923 г. составила лишь 17 % всех доходов.

В условиях столь низких доходов ставки налогов постоянно повышались так прогрессивный рост налог с октября по декабрь 1922 г. увеличился в три раза [10, с. 58–59]. Кроме того, в условиях, когда местные бюджеты были вынуждены бороться за выживание, единственным способом их пополнения было введение новых налогов, это налоготворчество дошло до такой степени, что из-за их обилия встал вопрос об угрозе сбора прямых. Действительно количество и разнообразие налогов собираемых на тот момент удивляет, налогом облагалась любая деятельность приносящая хоть какую-то прибыль. На деле же это порождало лишь неразбериху и недовольства, складывалась ситуация когда из-за слабой работы налогового аппарата основное налоговое бремя перекладывалось на население так называемых «доступных» учтенных территорий. Впрочем, тормозило работу финансовых органов не только местное налоготворчество, но и непоследовательная налоговая политика Центра, вот как об этом говорит заведующий Астраханского финансового отдела Городничев Павел Александрович на совещании финансовых работников: «Центр очень требователен, непостоянен и часто противоречил, не учитывая неорганизованность, сыпал налоги как из рога изобилия и разобраться во всех постановлениях Центра было очень трудно» [7, л. 30].

Все это вело к увеличению недоимок, т.е. налогов неуплаченных государству. Основным должником в данном случае выступали именно госорганы, так в 1923 г. общая сумма недоимок госорганов составила 870682 рубля 32 копейки [8, л. 114]. Эти недоимки по итогам бюджетного года прибавлялись к налоговому заданию на следующий год, например в феврале 1924 г. сумма налогового задания для Астраханской губернии составило 600 000 руб. Сравнительно с другими губерниями задание было повышено поскольку, успел накопиться громадный долг по акцизным сборам, как уже отмечалось выше именно эти налоги давали наибольшее количество доходов по Астраханской губернии. Основная проблема в погашении этих долгов состояла в том, что главными неплательщиками являлись как раз государственные предприятия находящиеся на хозрасчете, объяснялось это несколькими причинами: 1) отсутствием кредитов в учреждениях, финансируемых в сметном порядке; 2) отсутствием оборотных средств в учреждениях и предприятиях; 3) халатное отношение к своевременной уплате акцизов и воровство со стороны Администрации учреждений и предприятий.

Основная проблема в погашении налоговых задолженностей заключалась в том, что на практике бороться с госучреждениями было практически невозможно, действенной мерой, в этой ситуации мог быть арест имущества, но в свою очередь подобные действия приводили лишь к полной остановке производства, так 19 марта 1923 г. инспектор косналогов Ромашев за несвоевременную выплату акцизов Бассольтрестом в сумме 11 752 руб. 31 коп. арестовал товары, находящиеся на складах, а сами склады были опечатаны, из-за чего Бассольтрестом не был выполнен план, спущенный центром, что в свою очередь повлекло недовольство действиями астраханского финотдела центральными властями. А астраханский губернский отдел РКИ постановил, чтобы: «...принятие решительных указанных мер в отношении госучреждений и трестов, выполняющих задания государственной важности должны происходить распоряжением ГФО по соглашению с Губотделом РКИ, основанных на предварительных данных инспекторов косналога» [6, л. 93]. Таким образом, на практике это влиялось в практическую безнаказанность госучреждений перед налоговыми органами.

Еще одной действенной мерой в борьбе с неплательщиками могло стать привлечение их к суду, но и здесь сотрудники финотделов сталкивались с рядом трудностей, поскольку сотрудники местных судебных органов были настолько некомпе-

тенты, что отказывали в возбуждении подобных дел, вот как охарактеризовал сложившееся положение в своей ежемесячной записке заведующий Управления Акцизов Сорокин в мае 1922 г.: «...на искоренение (нарушение директив) было обращено самое пристальное внимание, возбуждено уже несколько судебных дел, как против частных лиц, так и некоторых предприятий, но, к сожалению, развитие этой стороны деятельности акцизного управления тормозилось неопытностью чинов уголовного розыска и милиции, возбуждающих судебные дела по нарушениям акцизных декретов и недостаточной осведомленностью Народных судов, с порядком возбуждения таких дел, в силу чего управление акцизов вынуждено было просить местный отдел Юстиции, преподать надлежащие указания судебным органам губернии, о порядке возбуждения указанных дел» [5, л. 2]. Таким образом, действия по борьбе с задолженностью по налогам по большому счету сводились к напоминаниям о взносе в ГФО учреждениями своих недоимок, данная ситуация оставалась практически неизменной вплоть до 1924 г. Однако постепенно налогообложение налаживалось, поскольку под влиянием развития товарно-денежных отношений увеличивалась налогооблагаемая база и соответственно увеличивались и налоговые поступления.

К концу первой половины 1920-х гг., а фактически за 1922–1923 гг. была полностью восстановлена налоговая система советского государства, прямые и косвенные налоги играли главную роль в пополнении государственного бюджета, а следовательно и в нормализации денежного оборота, создав таким образом материальную базу для дальнейшего проведения денежной реформы. А уже с конца 1923 г. работа налоговой системы была переориентирована на новую задачу, а именно – вытеснение частного капитала из экономического сектора страны.

Список литературы

1. *Архипкин А.* Акцизы в годы НЭПа: истоки современной системы косвенного обложения / А. Архипкин // Финансовый бизнес. – 2001. – № 4–5. – С. 55.
2. *Государственный* архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 338. – О. 1. – Д. 116. – Л. 7.
3. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 120. – Л. 44.
4. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 143. – Л. 4.
5. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 170. – Л. 2.
6. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 189. – Л. 93.
7. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 277. – Л. 30.
8. *ГААО.* – Ф. 338. – О. 1. – Д. 219. – Л. 114.
9. *Дьяченко В. П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.) / В. П. Дьяченко. – М. : Наука, 1978. – 496 с.
10. *Итоги* работы ГИК по отчетам за первый квартал 1922–1923 бюджетного года // Наш край. – 1923. – № 1. – С. 58–59.
11. *Рейнтгольд И. И.* «Финансовая политика НЭПа (от разверстки и монополии к обложению)» / И. И. Рейнтгольд // Финансовое оздоровление экономики: опыт НЭПа. – М. : Московский рабочий, 1990. – 256 с.
12. *Россия* неповская / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М. : Новый хронограф, 2002. – 446 с.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Д.Н. Безруков
(Россия, г. Ульяновск)

Основное внимание в статье уделено характеристике различных типов организационных культур, свойственных рыночной экономике. Кроме того, выявлена специфика использования различных типов организационной культуры в современной России и описаны методы руководства, формирующие различные типы организационной культуры.

The most attention in this article is spare of characteristic of different types of organizational culture, which peculiar to market economic. Besides, there is specific of using of different types of organizational in modern Russia. And these is methods of direction, forming different types of organizational culture.

Ключевые слова: организационная культура, компоненты, значение, типы организационной культуры, организация, классификация типов.